

УДЕЛ МУСУЛЬМАНКИ:

О ГОСПОДНЕМ ЗАМЫСЛЕ И ЛЮДСКОМ УМЫСЛЕ

(по следам женских откровений алжирских писательниц)

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук

*...Ничто не может
Отнять у меня
Ни молчания дня,
Ни света в ночи...*

Поль Элюар

Казалось бы, давно ушли в прошлое 50-е - 60-е гг. XX в. - время мощного расцвета литературы алжирцев, озаренное мечтой о независимости страны, опаленное пожаром одной из самых затяжных антиколониальных войн (1954-1962). И было вполне понятно обращение алжирских писателей той поры к поэзии французского поэта Поля Элюара, чье имя неразрывно с эпохой Сопротивления фашизму в годы Второй мировой войны. Это его стихи Ассия Джебар - одна из первых женщин-алжирок, взявших за перо, чтобы рассказать миру о своем народе, - поставила эпиграфом к своей книге «Дети нового мира»:

*Бедам всем вопреки и строго
Дети нового мира сплотились, - и тень
Ночи им не страшна, и хозяева наши
Не страшны. Светит им наступающий день¹.*

Не надо уточнять, кто были тогда эти хозяева: у французов в ту эпоху - свои, ненадолго, у алжирцев - свои, почти на сто тридцать лет... Главное, что народ по ту и по другую стороны Средиземного моря мечтал о пришествии Нового мира, а потому страстно и уверенно ждал Рассвета Нового дня, нетерпеливо различая Свет в Ночи.

Но вот, почти полвека спустя, вновь читаю строки Поля Элюара, предвещающие одно из знаковых произведений алжирской современности, - роман Маиссы Бей «Вначале было море»². Я их поставила эпиграфом к этой статье, потому что в них заключена главная интонация и сегодняшнего творчества алжирцев, особенно характерная именно для женщин-писательниц.

Возможно, эпоха ожидания Свободы и Счастья переключается с нынешней - Ночь Прошлого снова опустилась над страной, повергнув ее в ужас новой войны*, на этот раз с врагом не чужим, но собственным, и кто в этой войне прав, кто виноват - рассудит История. Неслучайно в названии романа М.Бей упомянуто именно «Море». Оно - символ вольного пространства, дыхания надежды, определявший эпоху

* В 1989 г. в Алжире вспыхнул террор, продолжавшийся вплоть до начала 2000-х гг., развязанный Фронтом исламского спасения, но практически переросший в гражданскую войну, вызванную во многом политической нестабильностью в стране, экономическим спадом, безработицей и чиновничьей коррупцией.

борьбы за независимость³, вновь обозначило жажду Счастья, жажду Свободы⁴ для человека, отягощенного «системой запретов», воцарением исламских догм и тенденций искоренения «западной культуры» в стране, давно уже ставшей поликультурной, совершившей когда-то свою битву за независимость и как революцию своих социальных устоев, дарующую человеку, но особенно - женщине, надежду на полноправность, на свободу собственного выбора дороги Жизни...

НОВАЯ ВОЛНА «ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

О том, как были убиты надежды, как не свершилась мечта о Счастье, как было снова погрязло человеческое достоинство, как снова унижена Женщина, забыты идеалы Революции, как постепенно воцарилось «Молчание моря», глухая Тишина, исполненная человеческим страхом за Жизнь, а в «горле застрял крик отчаяния», Маисса Бей напишет в своих книгах⁵. Яркие примеры из них будут приведены на страницах этого журнала и подтверждены и примерами новеллистического творчества Зинеб Лабири. Желание ознакомить читателей с этими образцами современной алжирской прозы продиктовано не только их особой созвучностью эпохе, о которой долго молчали и мало писали наши политологи и социологи, да и литературная критика почти совсем забыла об Алжире конца XX - начала XXI столетия. Дело даже не в созвучности судеб писательниц (З.Лабри родилась в 1946 г., а М.Бей - в 1950 г., и по «первой» своей профессии они преподавательницы французского языка, и обе начали издаваться в то время, когда именно французский язык был практически «искоренен» из обращения в стране в период усиления исламизма и ужесточения расправ именно с франкофонной алжирской интеллигенцией⁶). И не в очевидности их пронзительного мастерства рассказчиц: в конце концов, для алжирской литературы в целом свойственна высокая художественность (вспомним творчество Катеба Ясина, Мохаммеда Дибя, Мулуда Маммери, Малека Хаддада, Рашида Буджедры, Рашида Мимуни, Тахара Ваттара и многих других выдающихся прозаиков и поэтов Алжира XX в.⁷). А «женская литература», новая волна которой, как это ни парадоксально, высоко поднялась именно в тяжелые для страны послед-

ние десятилетия XX в. и в первые годы XXI в., давно имеет в Алжире славную традицию. Именно здесь засверкала плеяда имен (и мусульманок, и христианок), которыми гордится страна: Джамила Дебеш, Фадьма Амруш, Маргарита Таос, Анна Греки, Ассия Джебар. Женские имена разгораются сегодня все ярче на небосводе художественной культуры «этнических» алжирцев, горизонты существования которой теперь - и по одну, и по другую стороны Моря: Малика Моккедем, Сония Мумен, Латифа Мансури, Фарида Бельгуль, Нина Бурауи, Джюра, Зулика Буккорт, Лейла Себбар и многие другие, о творчестве которых доводилось писать немало⁸.

Но в новеллистике Зинеб Лабиди и Маиссы Бей, на мой взгляд, слышится особое звучание, вобравшее в себя и умение Ассии Джебар услышать *пульс эпохи*, и лирическое искусство «женского откровения», «душой исполненный полет» воображения Маргариты Таос, и экспрессивный трагизм Нины Бурауи, и меланхоличность Лейлы Себбар, и художественный документализм Джюры, и неподражаемое мастерство перевоплощения в свою героиню Фарида Бельгуль.⁹ Но главным, конечно, остается их, Маиссы Бей и Зинеб Лабиди, *прямое свидетельство*, их ничем не прикрытая отвага «взятия слова» (как сказал когда-то марокканский писатель, лауреат Гонкуровской премии Тахар Бенджеллун о героине своего романа «Харруда») именно там, где оно уже практически было запрещено, а для женщин - *особо*.

Перефразируя известное «казнить нельзя помиловать», можно определить «формулу» сборников новелл (достаточно красноречиво названных писательницами «Новости из Алжира», «Прошедшие по жизни»*, или строклой старинного романа «Жасмином ночь благоухала...») как «МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ». Именно так. Нельзя говорить, потому что в рассказах героинь произведений писательниц затронуты болевые точки женского удела, определенного религией, традицией и новой войной - войной двух *разных времен*, существующих вместе, а потому и противостоящих друг другу: прошлого, еще живущего в настоящем, и настоящего, которое пытается смотреть в будущее...

Но и нельзя молчать, потому что «тишина, - как сказано в одной из новелл М.Бей, - может раздать». Слишком велик страх, слишком много сдерживаемого гнева и отчаяния страдающих не только от того, что происходит вокруг, когда повсюду льется кровь, не только от постоянной своей женской *униженности*, но и от тягостного *осознания* женщинами своего «бесчестия», ибо «норма *благочестивости*» достигается ими невероятной ценой своего *смирения* с тем, что кажется им *противоестественным*, или даже ценой ухода из жизни, которая приносит «обесчещенными» в жертву Богу - «Всемилощивейшему» и «Всепрощающему»...

Порой (как это показано в новелле М.Бей «В молчанье утра») осознание «*нечистоты*» своей ду-

ши, исполненной *сомнениями в собственной правоте*, но что еще хуже - в правоте своего любимого, становится как бы сродни утрате девичьей невинности, и тогда концепт «бесчестия» может терзать женщину, ибо она, мусульманка, не может не знать, что «благочестивы» только те женщины, кто понимают, что мужа их всегда «выше по достоинствам» (Коран, сура 2; аят 228¹⁰), а потому и сомнения в достоинстве намерений мужа воспринимаются героиней как тяжкий грех. Она, не последовавшая за мужем, которому грозили смертью террористы, не захотевшая бросить свой дом и укрыться (и может быть, спастись) с любимым в чужом, невольно ускорившая его гибель, терзается теперь своим «*нечестивым поступком*» не меньше, чем девочка с истерзанной бандитами плотью, не знающая, что лучше - повеситься, как ее подруга по несчастью, или продолжать жить - «обесчещенной» среди людей, которые никогда не простят ей «зла», лишившего ее той «чистоты», которую ей предназначено было блюсти (новелла М.Бей «В ночной тиши»).

Молчание** невыносимо, ибо оно разрывает душу человека грузом невысказанного, потаенного, порой «стыдного», «запретного». Но и в бесконечности, «несмолкаемости» разговоров о несчастьях «страны и народа», в попытках *замещения* словом необходимости действия, хотя и осознаваемого «говорящими» как *бесполезное*, - груз пустоты, который тоже тянет душу человека в бездну отчаяния от гражданского своего «бесчестия» (новелла М.Бей «Давайте поговорим о чем-нибудь другом!»). И психологический этюд женской души, страдающей от своего «бесчестия» - мнимого «предательства» мужа; и жестокий реализм зарисовки измученного тела тринадцатилетней девочки, идущей на встречу со смертью, чтобы спастись от своей «нечистоты»; и сгущенная в уродливый гротеск салонной болтовни «хроника текущих событий» - расправ террористов со своими жертвами (как «бесчестие» самой страны), - все становится необычайно точным и важным свидетельствованием современниц о состоянии общества, переживающего глубокий кризис ценностных ориентиров. Ведь когда уже прожившие полсотни лет в независимой, самостоятельной, богатой природными и человеческими ресурсами, некогда процветавшей стране люди ощущают свою жизнь и судьбу как «проклятие»¹¹, вечно тяготеющее и над самой историей народа, или как невозможность спастись от унижений и постоянной угрозы «бесчестия», значит, нет твердости в самих *устах* жизни, ее социальных, этических, духовных основах.

Но люди пытаются *выжить*, даже зная, что цена такой жизни слишком завышена, что унижение свое и смирение со «злом» - слишком тяжело для души, а порой - и бесполезно, и опасно. Ибо нельзя поверить человеку, сумевшему как-то «умерить свою гордыню», примириться с тем, что противно его сознанию, противоречит разуму, стесняет и плоть, и дух. Поэтому «повстанцы» - «воины Аллаха», взявшись за очищение общества от «скверны» его светскости, от «заразы» привнесенных в него западных норм жизни и морали, спасая его от «бесчестия» и «бесстыдства», насаждая запреты на образование женщин,

* И то, и другое название можно перевести по-другому («Les nouvelles d'Algérie» Маиссы Бей как «Алжирские рассказы», а «Passagiers» Зинеб Лабиди как «Встретившиеся в пути»). Однако, как мне кажется, предлагаемый выше перевод названий больше соответствует смыслу сообщаемого и обобщаемого писательницами.

** М.Бей трактует слово «silence» - как «тишина», «безмолвие».

повелев им снова «закраться», носить хиджаб, покрыть голову, не верят той, которая учила их когда-то в школе французскому языку, но теперь одевшей одежду «благочестивой» мусульманки (новелла Зинеб Лабиди «Смирившаяся»). Они убьют ее, как убивают всех, кого считают виновными в несчастиях и бедах народа, так и не одолевшего нищеты, безработицы, неграмотности, болезней, массового исхода из деревень, эмиграции... Среди их жертв - и алжирская интеллигенция - отважная «выразительница общего несчастья», - именно таковыми считали себя алжирские учителя, поэты, прозаики, журналисты...

Но даже зная, что смерть может ждать человека теперь где угодно, повсюду, где достанет пуля или полоснет по горлу нож; даже зная, что тебе грозит «развод» или мужнино «отлучение», отсыл жены в родительский дом за *непослушание*, а значит за «бесчестье»; даже принимая постулат о том, что «женщина - *ниже по достоинству своему, чем мужчина*; даже понимая, что поступок твой - уход из дома - может стать вечным твоим *позором* и лечь клеймом «бесчестья» на весь твой род, твою семью, женщина может найти в себе способность *преодолеть страх*, переступить через «Запрет», забыть на время о жгучести стыда за содеянное, за вкушение недозволенного, и отдаться порыву души, томлению тела, учащенному ритму сердца, зову Жизни, еще пульсирующей на этой земле.

Вот почему в новеллах Зинеб Лабиди - только «мимолетности» женского существования, фиксации отдельных состояний женского естества, не устрашенного свирепствующим повсюду террором. «Танцующая» ли вопреки желанию мужа на свадьбе своего брата; «убегающая» ли из вполне благополучного дома на встречу с неизвестностью, не выдержав «диктата» мужа; размышляющая ли о причинах своей «униженности» мужчиной, либо не стерпевшая привода им в дом четвертой жены; вспоминающая ли о горделивой «непокоренности» своих предков, страдавших от чужих набегов; одевшая ли хиджаб - «как все», - чтобы слиться с массой женщин, пытающихся использовать традиционное «закрытие» тела как «завесу» от воцарившейся повсюду угрозы Смерти, - героини рассказов З.Лабиди так или иначе еще находятся в пространстве Жизни, ценя тот ее миг, который дает пусть краткое, но такое радостное ощущение Свободы. Надо ли говорить о том, как бесценен этот миг?

ЗАЧЕМ КУЛЬТИВИРУЕТСЯ В ОБЩЕСТВЕ КОНЦЕПТ «БЕСЧЕСТИЯ»?

Однако литература, сосредоточенная именно на проблеме женской свободы, и на исходе XX в., и в начале XXI в. не может не вызвать вопроса о том, зачем культивируется в обществе и по сей день концепт «бесчестия», насколько **реальны** опасения и страхи, а главное, действительно ли они связаны именно с «запретами» религии, возвратом к «чистым истокам», который проповедуют исламские фундаменталисты, так или иначе, но усилившие практически повсюду в мусульманском мире свое влияние на общество, совершая битву свою за «очищение прогнившего до основания мира» именем

Аллаха? И, не переставая удивляться все возрастающей ответной, особой реакцией именно художественного сознания алжирцев, а точнее, алжирок, писательский «отряд» которых не только не замолк, но даже вырос¹², не только не сложил своего оружия под давлением «исламистов», но и отточил его, демонстрируя свое мастерство, удивимся главным образом тому, что в Священном писании мусульман **не** содержится ни смертельных угроз женщине, ни даже намеков на необходимость ее **при**нижения, угнетения и *отнятия* у нее свободы, если таковую она желает обрести.

Не поленимся заглянуть в Коран и хадисы пророка Мухаммеда. Поскольку «праведные» и «неправедные» дела в мире, где ислам - основная религия, с некоторых пор все чаще и чаще совершаются «во имя Аллаха Всемогущего», то сверить «Замысел» Аллаха с «умыслом» людских деяний порой становится настоятельной необходимостью. Это позволяет различить изначальные установления, наставления, предписания и рекомендации, содержащиеся в тексте Корана, и их «бытовые» трансформации, иногда гипертрофированные (а иногда и «стертые»)¹³ многовековой Традицией, укоренившимися в народе обычаями (хранящими еще иногда и доисламские традиции жизни, а потому по-своему либо усиливающие, либо дополняющие исламскую). Сюда можно добавить вполне патриархальные пред-рассудки и поверья, с «именем Аллаха» напрямую не связанные, однако «процецирующиеся» на общественное поведение и общественное сознание в совокупности с религиозным.

Предлагаем читателям обратиться к русскому переводу арабского текста Корана, выполненному не столь давно с учетом многих других переводов (и научных толкований) и изданному под грифом Российской академии наук и ее Института востоковедения¹⁴, к фрагментам, где речь так или иначе идет об отношении к женщинам: сура 2, аяты: 148; 187; 215; 221; 228; 229; 231; 232; 233; 237; 240; сура 4, аяты: 3; 4; 11; 15; 19; 20; 34; 128; 129; сура 24, аят 31; сура 33, аят 59; сура 65, аяты 2; 6; 7. Их подобралось немало, и, полагаю, они по-своему отразят и засвидетельствуют не только исторически конкретную обусловленность определенных исламом установлений и предписаний, но и непреходящий смысл онтологической оппозиции «мужчина и женщина», а также сущностное единство их общечеловеческого предназначения.

Не исключаю, что в тексте Священного писания от нашего внимания могло ускользнуть еще немало того, что могло бы проиллюстрировать рассматриваемую нами тему, но и эти ссылки вполне красноречивы.

И в хадисах Пророка Мухаммада нет никаких «отступлений» от данного Ему Аллахом Откровения, и вся основная «гендерная парадигма» и здесь может быть выражена формулой: «**Милость моя берет верх над гневом моим**»¹⁵.

Не найдя в наставлениях Аллаха ни особых угроз, ни устрашения (кара Судного дня - для **всех** грешников), а в запретах Его - ничего особо противоестественного, вернусь к «женским откровениям» в новеллах современных алжирских писательниц и задамся вопросом, отчего же так горек и Рассвет, и

День женской жизни, фиксируемой художниками, отчего так давит Ночь, опускающаяся в душах героинь и Зинеб Лабиди, и Маиссы Бей, да и других современных алжирских писательниц? Почему сама жизнь их превратилась в «оковы», и нет конца того Пути, который был когда-то, еще в начале 50-х гг. XX в., определен героиней романа марокканского писателя Дриса Шрайби «Простое прошедшее» (1953) как путь, уготовленный для мусульманки: «Между тюрьмой малой (в Доме) и тюрьмой большой» (в окружающем мире)?..

Алжирки именно в 50-е гг. прошлого века попытались разрушить стены хотя бы одной из этих тюрем - Дома, где испытывали «гнет» мужской части своей семьи, не позволявшей жить так, как жили почти по соседству с ними девушки и женщины *другого мира*: француженки, другие европейки колониального «сообщества». Сосуществование на одной земле не могло не влиять на самоощущение мусульманок в пространстве наблюдаемой ими «современности», несмотря на все барьеры конфессионального и социального различия.

Но Алжирская война за независимость страным образом совместила извечные человеческие принципы защиты отечества, родной земли, родного народа с древними обычаями этой земли - восстановления «чести» семьи, рода, племени¹⁶, отмщения за поруганное врагом их достоинство, «достояние», - издавна связанные не только с понятием «территориальной целостности», но и с женским «целомудрием», равно охраняемыми *как сокровища*, в границах, запрещавших нарушение их «чистоты». (Исламская религия только «впитала» в себя уже существовавшие во многих странах, куда проникала, древние обычаи и понятия, усилив «запреты» повелением Всевышнего и Всемогущего.) И переход человеком границ «дозволенного» всегда воспринимался в народе как состояние *разлада* основ, устоев, крушения «опорных столбов», на которых держалось, в отличие от западного, традиционное восточное общество, неохотно и по сей день «впускающее» в свои недра так называемые «современные» нормы нравственного, социального и политического мироустройства.

Не удивительно поэтому, что завоеванная Алжиром в 1962 г. независимость особых, радикальных перемен в традиционном укладе жизни народа не принесла, хотя именно женщины все-таки стали свободнее, получив и доступ к образованию, и многие гражданские права, которых были лишены раньше, в том числе и право на обретение профессии, на самостоятельную работу, а значит - и выход за пределы Дома. Однако главное в их жизни осталось: брак и семья, где редко кто думал «расправляться» с вековыми обычаями, где «мужское превосходство» так или иначе (или в той или иной мере), но обусловливало и зависимость дочери в семье от отца и братьев, их выбора ей жениха, и «покорность» жены мужу, и его преимущественного права и на развод, и на новую свою женитьбу при сохранении брака с первой женой... И по-прежнему женщина здесь (как и повсюду в мусульманском мире) будет ждать рождения именно сына¹⁷ - будущего хранителя «рода и племени», защитника и матери своей, и имущества семьи, и «чистоты» своих сестер, основное предназ-

начение которых - выйти замуж, не нарушив главное: ни свое, ни своей (родительской), ни мужниной семьи *достояние*, именуемое «**честью**»...

В ПЛЕНУ НЕИЗБЕЖНОСТИ

Но, может быть, не так уж и противоречив и неуместен сегодня этот «принцип превосходства», обрекающий женщину на зависимость от мужчины, если героини Зинеб Лабиди - и «вдовствующая», и «замужняя», и «униженная», и «убегающая», - все они, так или иначе ощущающие усиление гнета *запретов*, власти предрассудков и древних обычаев, неполноправность свою и даже неполноценность, не то чтобы смиряются с вековой Традицией жизни, но *возвращаются* так или иначе на круги своя: вдова будет уповать на своего старшего сына; двое из трех жен «вернутся в кухню» в ожидании четвертой; будущая свекровь уже предчувствует возможность высказать невестке *свои «претензии*» и свое неудовольствие, - иначе как одолеть извечную свою «униженность» в доме мужа? Ну, а «убегающая» никуда так и не убежит, несмотря на уже почти открытую дверь своего дома: ибо знает заведомо, что тайный возлюбленный не будет *достойн ее выбора*, - не нарушит никогда запрета брать в жены ту, которую «познал до свадьбы»... (Любовь здесь отнюдь не «дитя Свободы» - она всегда осознавала границы дозволенного религией и обычаям. И женщина тяжело расплачивалась за их нарушение...) Но, ведь, и добровольно надевшая хиджаб женщина («как все»), прекрасно понимающая парадоксальность самой этой странной *моды на древний, почти сакральный атрибут, рожденный страхом*, а не радостью «обновления» своего облика, неожиданно почувствовала себя *более свободной*, и однажды даже позволила себе «*полную свободу*» - одела хиджаб на *обнаженное тело свое*...

Так в чем же дело? Почему же, вот уже почти семь десятилетий, с тех пор, как написан роман Лейлы Дебеш «Азиза»¹⁸, не прерывается цепь женских свидетельствований (в рамках только художественной словесности) о «деспотизме» исламских запретов, о жестокой власти Традиции Жизни, но одновременно и непрекращающейся жажде женщин изменить ее тесное, узкое «русло», выйти на простор, где вольно дышит грудь и взор открыт дальним горизонтам?.. Отчего эти «слезы души», страдающей и мечтающей о Свободе и в годы колонизации страны Францией, и в годы борьбы за независимость, и в годы «строительства Новой Жизни», и в годы, даровавшие стране возможность распоряжаться своей судьбой и плодами своей политической самостоятельности, и в годы наступившего «похмелья» после упоения Победой, изгнания *Чужих* (колонизаторов и иже с ними), и в годы неожиданного обретения страной массы врагов «внутренних», *Своих*, недоброльных ни новой Властью, ни новым Порядком, так и не избавившими народ от нищеты?¹⁹ Ведь лейтмотив многочисленных уже книг и Малики Моккадем, и Латифы Бен Мансур, и Лейлы Маруан, и Маиссы Бей, и Зинеб Лабиди²⁰ и др. алжирок - **это горечь несостоявшегося Счастья, так и не обретенной Свободы, извечности женского удела, неодолимости русла Жизни в оковах берегов, на одном**

из которых деспотизм Традиции, на другом - диктат Современности. Но это - неизбежность... И женщины это знают. Здесь так было и так будет всегда. А потому - «замужняя» останется «замужней», зависимой от воли мужа, даже если восстанет против его власти; «вдова» останется «вдовой», т. е. женщиной так или иначе «ущербной», никому особо «неприглядной», почти «нечистой», - ибо был у нее уже «мужчина», а «опозоренную» или «обесчещенную» ничто уже не спасет, - ни отмщение за поруганную бандитами ее честь, ни долг врачей, пытающихся вылечить ее потрясенную несчастьем душу. Измученная уже своим «позором» она сама избавит себя от своих мучений, и именно Женщина придет ей на помощь, указав на выход из больницы, ведущий в мрачный овраг, ведущий в Смерть, ибо только она спасет девушку от жизни в «бесчестье»... Да и «надевшую хиджаб» все равно убьют: не потому что она «зналась с «чужими», но просто потому, что обучала «чужому» языку алжирских же детей...

А потому в книгах алжирок - и вызов, и протест, и отчаяние, и смирение, и поиск компромисса, и вечная неутоленность Жажды «полета», Танца души и сердца, и Трепет тела, слышащего пульс «изначала Жизни», ощущающего его ритм... Но больше всего они ненавидят Время страха, кровавого террора объявивших свою беспощадную войну не только нищете, безработице, чиновничьей коррупции, но и «всему чужому». В этом Времени сошлись в смертельном поединке древний Замысел охранения «Чести племени»²¹ как женского целомудрия и злой умысел людского «спасения» достоинства общества от «нечистоты», понимаемые и как непринадлежность к вере в Аллаха, и как несоблюдение верующими в Него Учения Его. Но именно в этом Учении, или лучше даже Поучении людей верить в Его, Аллаха Всемогущество и Всемилостивость, блюсти свою и своей семьи Благочестивость, уметь защищать свои достоинство и достояние, помогать бедным и сиротам, пытаться жить в мире с женами, даже с «отвергнутыми», - трудно найти угрозу кровавых расправ с «непослушными» или намеки на необходимость убийства их новорожденных детей и жестокость мщения их близким... Но именно от этого творящегося в окружающем их мире Зла и воцарившегося повсюду страха страдают героини новелл Маиссы Бей и Зинеб Лабиди, как страдают и героини романов Малики Моккадем, Латифы Бен Мансур и Лейлы Маруан. Именно об этом кошмаре новой войны, превратившей любимый Алжир в «место казни», где торжествует только «язык Смерти», написала и свои новые книги Ассия Джебар²², как и многие ее соотечественники и соотечественницы, вынужденная жить теперь в эмиграции...

Но книги эти - не просто свидетельства безысходности Войны Времен - Прошлого и Будущего, бесконечности крушений Надежд и Идеалов, неодолимости Судьбы, предназначенной Женщине. В них - живое дыхание Настоящего, попытка снять с него Завесу Молчания и взять Слово, чтобы сказать в беспросветной Ночи о том, что Жажда Рассвета не иссякает в душе человека, что сердце женщины все также отзывается на «ритм земли», зовущей к Движению, к радости ощущения биения Жизни, солнечного тепла, «вкуса Моря», вольный

простор которого снова и снова рождает мечту о Счастье и Свободе. И главное - извечную Надежду на Будущее...

¹ *Djébar Assia. Les enfants du Nouveau monde. P., 1962. Русское издание: И светит им наступающий день. М., 1965. Пер. Э.Лазебниковой.*

² *Bey Maïssa. Au commencement était la mer. P., 1996; 2003.*

³ «Кто помнит о море» (*Qui se souvient de la mer. P., 1964*) - так назывался роман классика алжирской литературы *М.Дибя*, связавшего с метафорой Моря эпоху антиколониальной войны. О нем см. подр.: *Прождогина С.В. Франкоязычные писатели Магриба 60-70 гг. М., 1980.*

⁴ Именно так - «*La soif*» («Жажда») - называлось первое произведение Ассии Джебар (1957), отразившее чаяния и надежды молодого поколения алжирок, вступающего на порог Новой Жизни (см. русск. перевод романа в: *Ассия Джебар. Избранное. М., 1990*).

⁵ *Bey M. Nouvelles d'Algérie. P., 1998; Cette fille-là. P., 2001; Entendez-vous dans les montagnes. P., 2002; Sous le jasmin la nuit. P., 2004; Surtout ne te retourne pas. P., 2005 и др.*

⁶ Мне довелось уже рассказывать о произведении Ассии Джебар «Оран, мертвый язык», частично посвященной и этой проблеме в книге «Любовь земная» (М., ИВ РАН, 2004).

⁷ Об их творчестве см. подр.: *История национальных литератур стран Магриба. Т. Литература Алжира (колл. авторов). М., 1993.*

⁸ См.: *Прождогина С.В. Между мистралем и сирокко. М., 1998; ее же: Иммигрантские истории. М., ИВ РАН, 2003; Женский портрет на фоне Востока и Запада. М., 2006 и др.*

⁹ Я имею в виду написанную от лица маленькой девочки - алжирской иммигрантки, потрясенную франкоговорящий мир повесть «Жоржетт!» (1986).

¹⁰ Но и у христиан сказано: «...всякому мужу глава Христос; жене глава - муж» (Св. Апостол Павел, Первое послание к Коринфянам, гл. 11:3).

¹¹ Именно так назывался последний роман безвременно скончавшегося в годы новой алжирской войны *Мимун П. La malédiction. P., 1992.*

¹² Явление, характерное для стран Магриба, наблюдаемое и в Марокко, и в Тунисе, где женщин-писательниц становится все больше и больше. См. об этом: *Азия и Африка сегодня, 2008, № 10, с. 70-74.*

¹³ Имею в виду убийства и расправы над людьми, часто *ни в чем не повинными*, не являющимися ни рьяными сторонниками, ни ненавистниками как официальной власти в стране, так и сил «исламского возрождения», прибегающих к террору: действия последних особо расходятся именно с кораническими предписаниями [см., напр., сура 5, аят 32: «Если кто-либо убьет человека не в отместку за [убийство] другого человека и [не в отместку] за насилие на земле, то это приравнивается к убийству всех людей» (слово «насилие» - *ар-фасадун* - И.Ю.Крачковский переводит словом «порча», М.Али - ...«вред, беда», Маудуди - ...«всеобщий беспорядок», Блашер - ...«возмущение» [(см.: комментарии М.-Н.О.Османоу к пер. Корана, с. 443); сура 17, аят 33: «Не убивайте человека, кроме как по праву, ведь это запретил Аллах» (имеется в виду право возмездия, казни или сражения - с. 492)].

¹⁴ Коран (пер. с араб. и комментарии М.-Н.О.Османоу). М., 1995.

¹⁵ Хадис 1. Цитата по изд.: *Аль-ахадис аль-кудсийя. Хадисы Пророка. Центр Аль-Фуркан. Дамаск, 1419 г. (по хиджре) (в перев. В.Пороховой).*

¹⁶ См. подробно о концепте «чести племени»: *Прождогина С.В. Положение мусульманки в границах поликультурного общества // Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005, с. 265-281.*

¹⁷ «Богатство и сыновья - украшение жизни в этом мире», - Коран только утвердил вековую уверенность людей этой земли (сура 18, аят 46).

¹⁸ О нем см. подр.: *Прождогина С.В. Женский портрет на фоне Востока и Запада... с. 16-41.*

¹⁹ Алжирская литература в целом пристально фиксировала все происходящее со страной и пыталась разобраться в причинах новой войны, связанной с усилением исламского фундаментализма (см. романы 80-90-х гг. и начала XXI в. Р.Буджедры, Р.Мимун, М.Дибя, А.Джебар и др.).

²⁰ См., напр.: *Mokkedem M. Les hommes qui marchent. P., 1990, L'interdite. P., 1992, N'zid. P., 2006; Bey M. Au commencement était la mer. P., 1996; Cette fille-là. P., 2000, Surtout ne te retourne pas. P., 2005; Marouane L. La jeune fille et la mère. P., 2005; Ben Mansouri L. L'année de l'éclipse. P., 2001 и мн. др.*

²¹ Характерно название - *L'Honneur de la tribu* - книги *Р.Мимун*, вышедшей в годы начавшегося в стране террора (1989).

²² См.: *Djébar A. Le blanc de l'Algérie; Vaste la prison; Oran, la langue morte; Morte sans sépulture* и др., изданные в последнее десятилетие XX в., а также: *Ben Mansour L. L'année de l'éclipse. P., 2001.*